

В глазах Ци Фэя из земли пробились бесчисленные черные лианы, расталкивая цветы и плотно оплетая весь дом Мин Янь. Эти побеги, окутанные черным туманом и покрытые темно-красными ядовитыми шипами, источали зловещую ауру.

— Ха, подумаешь, не пускают! — проворчал Ци Фэй, хмуро разглядывая жуткие растения и мысленно понося странное поведение этого красноглазого духа меча.

Нет, что-то здесь не так. Хотя от этой штуки и исходит энергия меча, но сама она пропитана злобой. Разве может дух меча, рожденный чистой энергией неба и земли, быть таким?

Ци Фэй досадовал, считая, что его глупый ученик Сяо Мин определенно попался на удочку этого смазливового проходимца. Ну и что толку, что он красив? Сыт им будешь, что ли? А на карманные расходы всё равно мастеру раскошеляться!

К нему подошел Чэн Цзэюнь:

— Младший брат, Мин Янь очнулась?

Ци Фэй, сидевший на корточках у обочины, с тоской поднял светильник жизни:

— Очнуться-то очнулась, но что это вообще такое?

Чэн Цзэюнь помедлил, внимательно присмотрелся к свету и проанализировал:

— Огонек яркий, но мерцает беспокойно. Хм-м... это, это, это...

— Что это? — сердце Ци Фэя дрогнуло, он тут же потребовал ответа.

— Это... сложно сказать, — Чэн Цзэюнь заложил руки за спину, приняв загадочный вид.

Ци Фэй закипал от негодования и, не в силах сдержать горечь, заворчал:

— От этого духа меча так и веет скверной, сразу видно — недоброе создание. Ты посмотри на его взгляд: так и норовит увести мою капусту! Я растил ученицу больше десяти лет, если бы не ты, сдержал бы я его в одном доме с ней?

Он обнял светильник Мин Янь, напоминая печального отца.

Чэн Цзэюнь вытащил из рукава складной веер, с хлопком раскрыл его перед собой и, улыбнувшись, промолвил:

— Обычные лекарства Мин Янь не помогут. У него такая же аура, как у неё, и духовная сила особая. Почему бы не дать ему шанс? Видишь, девочке уже лучше, теперь ты можешь быть спокоен.

Затем он хитро прищурился и добавил с улыбкой:

— Кстати, у меня руки разболелись, пока я помогал тебе рубить эти лианы. Я знаю, что у тебя есть целебный эликсир, привезенный с островов Восточного моря. Старший брат не жаден, двух флаконов хватит.

Одна капля этого эликсира стоит целое состояние, а он просит два флакона — вот ведь наглец!

Ци Фэй вмиг перестал горевать. Он выхватил из-за пазухи меч Чи Сяо и холодно произнес:

— Лекарство ценное, негоже тратить его на такие пустяки. Может, лучше устроим спарринг, чтобы добро не пропадало зря?

— Кхм! — Чэн Цзюнь закрыл веер и поправил выражение лица. — Мелкая царапина, не стоит беспокойства.

Он хлопнул себя по лбу:

— В секте полно дел, не буду мешать тебе караулить Мин Янь. Не провожай меня.

Чэн Цзюнь коснулся земли носками сапог и мгновенно исчез, подхваченный ветром.

Теперь пришел черед Ци Фэя проявлять бесстыдство:

— Старший брат, постой! Слышал, ты раздобыл редкий артефакт, одолжишь поиграть на пару дней?

Чэн Цзюнь, не оглядываясь, прибавил скорости, делая вид, что ничего не слышал.

Ци Фэй усмехнулся и бросился в погоню:

— Если артефакт жалко, давай обсудим выделение дополнительных лекарственных грядок для пика Синшао!

Чэн Цзюнь лишь подумал: вот же угораздило самого себя подставить.

Мин Янь безразлично отстранила Фэн Юйсы. Она жадно глотнула свежего воздуха, постепенно унимая бешеный стук сердца.

Юноша упирался руками в поверхность по обе стороны от неё, его длинные черные волосы ниспадали вниз, сплетаясь с её распущенными прядями. Взгляд его был опаляющим. Он

склонился и коснулся губами её лба, тихо прошептав:

— Госпожа?

Мин Янь закрыла глаза, чувствуя себя крайне неловко:

— Я не игнорировала тебя намеренно.

Она решила больше не притворяться, что не узнает его, и ответила прямо:

— Я знаю о твоих чувствах, но между нами ничего не может быть. Я хочу лишь одного: чтобы ты вел себя тихо и не связывался с обитателями Бездны.

Мин Янь всегда знала, что чувствует к ней Фэн Юйсы. Когда-то давно, желая его убить, она использовала это чувство как приманку, но тогда всё ограничивалось лишь поцелуями в лоб или щеку. Столь вольного обращения она допустила впервые.

Вспомнив недавнюю близость, она почувствовала, как покраснели уши. Возможно, из-за того, что половина её божественной души находится в нем, любое прикосновение вызывало в ней дрожь, заставлявшую терять самообладание.

Нельзя больше позволять ему так себя вести. От простого держания за руки до этого... он становится всё смелее.

— Почему? Потому что я низшая тварь? — голос Фэн Юйсы охрип. Пламя в его глазах погасло, словно его предал весь мир, а губы стали еще бледнее. — Но я люблю вас, люблю до невыносимой боли. Я готов принести вам свое сердце, лишь бы вы не отталкивали меня.

— Мне не нужно твое сердце. В этом мире нет ничего вечного, твоим мечтам не суждено сбыться, — холодно и безжалостно отрезала Мин Янь. Она и сама недолго проживет, зачем впутываться в эти ужасные любовные узы? Разве она хочет умереть еще быстрее?

Холодный пот выступил на высокой переносице Фэн Юйсы. Сжав кулаки, он с яростным блеском в глазах вдруг схватил её за подбородок и с силой поцеловал.

Возможно, он ненавидел ту холодную и бессердечную госпожу из прошлого, но стоило появиться надежде, как он снова не смог устоять. Ему хотелось сорвать ослепительную звезду с неба и подло удержать её в грязи навсегда. Никто больше не сможет, подобно ей, так глубоко затронуть его чувства, оставив на сердце неизгладимый след. Это должна быть она, и только она.

В глазах Фэн Юйсы скопилась кровь, дыхание стало тяжелым. Не щадя, он прикусил губы Мин Янь, подавляя её попытки сопротивления, и, переплетя свои пальцы с её, сковал их запястья цепью.

От боли Мин Янь сбила дыхание, но тут же почувствовала, как этот негодяй оставил её губы и принялся целовать ключицу.

— Фэн Юйсы, ты спятил! Отпусти меня! — её духовная сила была наглухо подавлена. Она попыталась пнуть его, но он свободной рукой прижал её ногу.

Его дыхание обжигало. Он оставлял на её шее кровоточащие следы зубов.

Поняв, что вырваться не получится, Мин Янь решила пойти на хитрость:

— Послушай меня. Я давно вырвала свой корень чувств, я не могу... не смогу легко полюбить кого-то, но я могу попробовать принять тебя.

Фэн Юйсы замер и поднял голову. Краснота в его глазах постепенно отступила:

— ...Правда?

Мин Янь выдохнула:

— Правда.

Её заключили в холодные объятия так крепко, что она едва могла дышать.

— Не смейте меня обманывать, — прозвучал глухой голос юноши у неё над ухом.

Мин Янь сдержалась и, натянуто улыбнувшись, ответила:

— Хорошо.

Он совершенно безумен.

— Госпожа, — прошептал он, обдавая её кожу теплым дыханием, — я ранен. Мне больно.

Он уткнулся лицом в её шею, выглядя совершенно довольным. Он взял её руку и прижал к своему плечу, повторив:

— Очень больно.

Мин Янь позволила ему ластиться:

— Здесь слишком темно, я ничего не вижу. Как мне наложить повязку?

— Но я не хочу убирать тьму, — Фэн Юйсы снова стал нормальным и погладил кончики её

пальцев. — Кто-нибудь может войти.

Мин Янь проигнорировала его слова:

— Я больше не госпожа. Зови меня просто по имени.

После череды перерождений её ментальная сила истощилась, а тело стало слабым, словно у цыпленка. Но глупый Фэн Юйсы этого не знал. Он не ведал, что такое Пустоши Северных земель, что такое секта Десяти тысяч мечей, не понимал, что такое перерождение. Он считал, что это лишь эпизод из игры скучающей госпожи, которая исчезнет, как только ей надоест.

В его памяти госпожа всегда была всемогущей, и, вероятно, поэтому он не сошел с ума окончательно, когда она упала в обморок, харкая кровью.

Дурачок.

Дворец Небесных Смыслов давно превратился в пыль истории, а госпожа, жившая на вершине Священной горы, погибла тысячи лет назад. Её душа была проклята и обречена на вечное перерождение без надежды на покой.

Когда-то огромная секта, чьи ученики были повсюду, рухнула в одночасье. Может, кто-то и тоскует по тем временам, но Мин Янь, будучи непосредственным участником событий, не испытывала ни капли жалости.

Госпожа... На самом деле она была лишь псом Дворцового мастера, на чьей душе выжгли рабское клеймо. Или, если быть точнее, известным и сильным псом. Раньше она служила семье, потом — хозяину. Она всегда была лишь острым клинком для убийства, не имеющим никакой иной ценности в их глазах.

В темноте Фэн Юйсы моргнул. Он отчетливо видел выражение её лица: бледное, мягкое, словно идеальная скульптура, подернутая дымкой, но в нем не было ни капли любви.

Его пальцы напряглись. Он взял руку Мин Янь и прижал к своей груди, глядя на неё с предельной искренностью:

— Госпожа всегда остается госпожой. Моя жизнь, мое тело и моя душа — всё принадлежит вам.

— Но ты не должен... переходить границы, как раньше.

Голос Фэн Юйсы стал тише, словно он сбросил тяжелые оковы. Он легонько прикусил кончик пальца Мин Янь:

— Я не умру, но мне будет больно.

Возможно, из-за того, что он слишком долго был заперт в пространстве меча, его характер изменился. Раньше он был молчаливым и застенчивым, довольствуясь одним лишь взглядом, а теперь стал активным и страстным, словно темно-красное пламя — безумным, прямолинейным и пылким.

Мин Янь обрела голос и отвела взгляд:

— Хорошо, я больше не буду с тобой жестока.

Получив обещание, юноша просиял и не удержался от того, чтобы коснуться её губ. Черные лианы, окутывавшие комнату, вместе с туманом бесшумно ушли под землю.

В комнату пролился долгожданный солнечный свет. Мин Янь отстранилась, надела сапоги и, чтобы сменить тему, спросила:

— Сколько я была без сознания?

— Месяц, — ответил он.

Фэн Юйсы незаметно нахмурился. Его тело обладало мощной регенерацией: раны, которые только что кровоточили, уже затянулись, а порезы на лице почти исчезли, оставив лишь засохшие пятна крови. Но она так и не нанесла ему лекарство. Все эти раны были получены им при попытке восстановить её поврежденные каналы. Он хотел, чтобы именно она перевязала его своими руками.

Юноша опустил ресницы и коснулся рукой плеча, где кровь только остановилась, раздумывая, не стоит ли снова сорвать корку. Нужно рассчитать силу, чтобы всё выглядело естественно.

Но прежде чем он успел что-то предпринять, Мин Янь внезапно встала и решительно направилась к выходу.

Золотой солнечный свет падал на её полуразрушенный двор, повсюду валялись лепестки белых свечных цветов, а земля была изрыта выбоинами и засыпана обломками после недавней схватки. Мин Янь глубоко вздохнула — об этом пока лучше не думать.

Она остановилась у ворот и, взглянув на происходящее, почувствовала недоброе предчувствие.

Вечно этот Цзян Хэн приносит одни неприятности.

На пустой площадке неподалеку юноша с травинкой в зубах волок за собой избитого ученика. Ему было совершенно плевать на состояние бедолаги — он шел уверенным шагом, оставляя на земле длинный след.

Следом семенила бледная младшая ученица, едва не плача и умоляя его:

— Старший брат, вы уже победили А-Ци, не мучайте его больше, прошу, отпустите!

Юноша выглядел расслабленным и не обращал внимания на просьбы. Заметив стоявшую вдалеке Мин Янь, он остановился и произнес совсем не приятным тоном:

— Старшая сестра, ты за эти два года совсем растеряла бывшее величие, раз каждый встречный смеет бросать тебе вызов.

Он дернул подбородком:

— Этот парень кричал, что хочет сразиться с тобой, мне стало скучно, вот я и провел с ним пару приемов. Ну, теперь твоя очередь драться.

Драться с тобой, идиот.

У Мин Янь задергался глаз. Она присмотрелась — лицо незнакомца было в синяках, вид крайне жалкий. У неё было хорошее зрение, но опухшее лицо действительно трудно было узнать. Наконец, разглядев знакомые черты, она поняла, кто перед ней.

О, так это Юань Сюньци.

Мин Янь замолчала. По полному стыда и ярости взгляду Юань Сюньци она уже представила себе новые сплетни, которые будут завтра ходить по секте.

Знала бы, лучше бы продолжала притворяться трупом.

Ученица подбежала к ним, опустилась на землю и обняла полуживого Юань Сюньци, не в силах больше сдерживать слезы:

— А-Ци просто глуп, он самовольно пришел на вершину, чтобы бросить вызов сестре. Это моя вина, что не уследила за ним! Я готова понести любое наказание, лишь бы вы отпустили его!

Юноша сплюнул травинку, скрестил руки на груди и, изобразив на лице праведный гнев, воззвал к Мин Янь:

— Мин Янь, слышала? Она просит тебя, разве ты ничего не скажешь?

Цзян Хэн был хорош собой, но Мин Янь подумала, что если хорошенько пнуть его по лицу, оно станет еще красивее.